

*Пафос и манипуляция,
или политический аспект драмы материнства*

Анна Альчук

Недавно в одной из российских телевизионных передач обсуждалась ситуация вокруг выставки «Осторожно, религия!» и вынесенный по этому делу приговор. В передаче участвовал священник Андрей Кураев. Когда ведущий спросил у него, как он относится к погрому, тот не задумываясь ответил, что разгромившие выставку люди поступили «как настоящие мужчины», они защитили православие, которое, по его словам, является «мужской религией».

Неправовое мышление в нынешней России становится не просто нормой, оно поощряется, вокруг него нагнетается нездоровый пафос. Когда известный священник с экранов телевизора называет погром делом «настоящих мужчин», а православие – «мужской религией», в глазах любого здравомыслящего человека происходит дискредитация как «настоящих мужчин», так и православной религии.

Подобное сочетание грубого сексизма с абсолютно неправовым мышлением, к сожалению, очень частое явление. Именно оно сделало возможным сначала погром международной выставки «Осторожно, религия!», проходившей в Музее имени Андрея Сахарова в январе 2003 года (когда художники пластическими средствами выразили свое – у многих весьма позитивное – отношение к понятию «религия»), а затем нагнетание масс-медийной истерии вокруг нее, массивную кампанию ненависти против художников и правозащитников и наконец суд и последовавший за ним приговор с его беспрецедентными формулировками.

Впрочем, история эта достойна того, чтобы рассказать о ней по порядку. В статье «Искусство и политика глазами участниц выставки “Осторожно, религия!”» (*Гендерные исследования*, № 9, 2003) я уже писала о том, как выставка современного искусства, в которой участвовало 40 художников из России, Грузии, Армении, США, Кубы и Японии, была разгромлена шестью хулиганами и о травле художников, последовавшей за этим разгромом. Однако тогда, когда писалась та статья, против меня еще не было возбуждено уголовное дело.

В апреле 2005 года, когда пишется этот текст, полуторагодовой суд надо мной, директором Сахаровского центра, Юрием Самодуровым и заведующей выставочным залом, Людмилой Василевской, закончился приговором о выплате штрафа в 100 000 руб. каждым из сотрудников Сахаровского центра. В моем случае суд оправдал меня за отсутствием состава преступления. За это время мне пришлось пройти следствие, ознакомиться с 16 томами дела, пережить около тридцати судебных заседаний, прочитать огромное количество публикаций по этому делу как в российских, так и зарубежных средствах массовой информации. Такой опыт дорогого стоит – в экстремальных ситуациях люди проявляются очень ярко, позиции обрисовываются четче, чем когда-либо, и ты неожиданно обнаруживаешь скрываемые за светским лоском человеческие слабости и страхи или же, напротив, в казалось бы нейтральных по отношению к тебе людях находишь дружеское участие и поддержку, видишь проявления гражданственности и мужества. Об этом опыте можно писать очень много и в разных аспектах, однако, учитывая специфику этой публикации, я постараюсь проанализировать события в гендерном ключе, то есть определить роль женского начала во всей этой истории.

Надо сказать, что в связи с вышеизложенными событиями мой феминизм подвергся суровому испытанию. Например, я обнаружила, что большинство писем, входивших в 11 томов дела № 1446, то есть «дела о выставке», составляли письма, написанные женщинами. В процентном отношении их было приблизительно три четверти от числа всех написанных доносов. Как правило, речь шла об одном и том же тексте, размноженном на ксероксе и раздававшимся в церквях. В тексте говорилось о том, что «радость от установившегося покоя, порядка в нашей столице, от восстановления православных традиций вследствие хулиганской выходки экстремистов, была омрачена... большими психологическими и нравственными страданиями», что граждане, «претерпели и продолжают претерпевать позор и унижение. Тягость переживаний не дает покоя».

Под этими текстами женщины ставили свои подписи, даже не меняя мужского рода слова «гражданин». Гражданин: Тупицына Елена Владимировна (Московская обл.), Мосийчук Елена Вячеславовна (г. Чехов), Чирун Оксана Владимировна (г. Павлов-Посад), Макух Ирина Альтефитовна (г. Королев), Терлаева Раиса Федоровна, Файзулина Светлана Вазитовна (г. Донской), Финошкина Зинаида Ильинична (село Спасское) и т.д. и т.п.¹ Впрочем, немало доносов было написано в свободной форме, по «вдохновению». Как правило, за основание брался приведенный выше образец и по его канве сочинялось страстное послание к власти.

Интересно проследить, как под оболочкой новой православной риторики в этих текстах проступает знакомый нам с детства советский дискурс. Женщины определяют свою позицию как позицию «матерей». Не видя выставку, не

представляя себе, что такое *современное искусство*, возможно, столкнувшись с этим словосочетанием впервые в жизни, они легко берут на веру любой бред, исходящий от масс-медийной пропаганды, и, как бы отождествляясь с образом Родины-матери и от ее имени, требуют от государства защиты, наказания врагов-художников и даже «успокоения». Например, Савостицкая Мария Сергеевна обращается в прокуратуру со словами: «Вследствие преступления претерпела унижение и позор, что заставило меня обратиться к Вам для успокоения... Прошу признать меня потерпевшей по делу № 4616». Словно героиня песни Галича, обличающая на партийном собрании врагов-империалистов, средняя корреспондентка, пишущая в прокуратуру по этому делу, выступает «как мать и как женщина» с целью сохранения рода перед лицом злостных происков неких Врагов с большой буквы, «интеллектуалов-авангардистов-сатанистов»². Вот некоторые примеры этого пафосного дискурса «материнства»:

«И давайте призовем наше сердце, наш разум и осудим устроителей этой выставки во имя сохранения чистоты наших душ, для будущего наших детей и внуков, для жизни нынешней и жизни будущего века и ради памяти наших предков. Господи помилуй!» (Дунцова М.Н.);

«Радость от существовавших в ... городе традиций Православия померкла после ... бесчеловечной выходки экстремистов и была сопряжена у меня, матери двоих детей неописуемыми человеческими страданиями, как гражданка и как матери... Все это не дает спокойно жить, дышать и работать (не говоря уже о здоровье) ... не одной матери (и не только православной). Как дальше жить, как воспитывать детей, когда рядом с нами происходит такое? Какими они вырастут – рвут на части душу многие вопросы» (Тарасова Надежда Михайловна);

«Недопустимо оставлять безнаказанными людей, которые могут расплодить подобные “выставки” по всей стране, травмируя психику, растлевающая неформившуюся молодежь, калеча и извращая восприятие детей – подрывая труд родителей и педагогов» (Корнеева Елена Владимировна);

«В любом обществе должно сохраняться святое отношение к матери-Родине, отцу-Отечеству, не говоря уже о вере, даже если для кого-то это понятие не стало реальностью... Я как гражданка России глубоко потрясена и озабочена настоящим и будущим (если оно может быть в таких условиях) своих детей и не могу остаться спокойной и равнодушной свидетельницей происходящего» (Бабанова Татьяна Александровна);

«Мы твердо верим, что с возвращением веры восстанет русский человек в прежней силе и великом достоинстве. Хорошо понимают это и наши враги... Так вот: помним, любим и будем защищать свою культуру, своих людей, не побоявшихся стать на защиту наших святынь... Мне 67 лет. Я много лет преподаю русский язык и литературу... в православной школе. Я на практике вижу, как резко православные дети отличаются от учащихся других школ. Мне страш-

но за будущее девочек и мальчиков, которые уже с 7 лет циничны, грубы... не научены любить свою Родину, семью, дом, город... Во имя моих внуков, во имя всех детей, растлеваемых демократическими СМИ, я прошу Вас считать себя потерпевшей по делу № 4616» (Калихова Светлана Петровна);

«Я воспитываю четырех девочек, четырех будущих православных матерей. Прививаю им любовь к истории, традиции... И вдруг на их глазах происходит попрание всего, что для них так дорого и с таким трудом... передано мамой, папой, дедушкой (ветераном войны) и бабушкой. Неужели я могу на это смотреть спокойно? Нет! Нашлось несколько отважных защитников наших традиций. Низкий им поклон» (Фльорчак Ольга Вячеславовна).

Как видим, материнское отношение распространяется здесь и на шестерых погромщиков, которые в глазах женщин предстают страдальцами и почти былинными героями. Здесь будет уместно упомянуть, что эти «герои» прекрасно знали о безнаказанности своих действий. Собственно говоря, их «подвиг» состоял в том, что, отодвинув служительницу выставочного зала (больше там никого не было), они стали бросать в экспонаты выставки заранее приготовленные елочные игрушки, наполненные краской, писать на стенах, пользуясь распылителями, слова «Гады», «Сволочи», «Вы прокляты», бить стекла и рвать работы. Интересно, что эти «витязи», выступая на суде против меня, Василевской и Самодурова, отрицали, что совершили погром. Они, по их словам, не только не повредили экспонаты выставки, но даже не были прежде знакомы. Адвокат Ю.М. Шмидт, возглавлявший адвокатскую группу по этому делу, пытался выяснить у них, когда на суде они обвиняли нас в качестве свидетелей: почему они отрицают свой «подвиг», если действительно действовали из убеждений и за веру?

Другой существенной особенностью писем трудящихся в прокуратуру, в том числе и женщин, был, помимо пафоса, и вполне меркантильный интерес. Многие старые люди надеялись, что суд сочтет их потерпевшими, и они получат денежный эквивалент своим моральным, и, как выяснилось, не только, страданиям. Об этом свидетельствуют высказывания:

Бочкаревой Татьяны Юрьевны, требующей от прокуратуры «возмещения морального вреда, признать (ее) гражданским истцом, как орган, уполномоченный ГОСУДАРСТВОМ защищать права граждан России от экстремистов – и оказать полное содействие во ВЗЫСКАНИИ УЩЕРБА В СУММЕ 250 000 руб. с виновных лиц»;

Тазиной Валентины Ивановны, пишущей о нанесении ей морального вреда, который она оценивает в 300 000 руб, физического вреда, который она оценивает в 30 000 руб. и материального вреда, так как она «в связи с этими событиями забросила садовый участок», который она оценивает в 10 000 руб.».

Женщины, пишущие в прокуратуру, пребывают в фантастическом, выдуманном мире, ничего общего не имеющем с действительностью. Многие из

них, как, например, Синичкина Ф.С., убеждены, «что в Центре Андрея Сахарова глумились над *живыми* Господом, Богородицею и его святыми». История России для них – это история тысячелетнего бесконфликтного православия, 70 лет советской власти будто бы вовсе не существовало. Эти женщины живут в мифическом времени «Святой Руси».

«На Святой Русской Земле, в самом сердце России, Москве, где испокон веков стоят Православные Храмы и Монастыри и покоятся наши предки в могилах, на которых стоят Кресты, происходит... чудовищное кощунство группы экстремистов над святынями, которые были и есть... хранимы православным русским народом и за которые наши славные предки отдали свои жизни, когда враги пытались надругаться над святынями. Меня, как православного человека, глубоко оскорбляет глумление и поругание Православной Святыни. Это оскорбляет мое христианское достоинство, а также наносит оскорбление моей православной семье. Это позор и унижение всему Святому на Руси» (Перевозчикова З.А.);

«Москва – III Рим, а IV – не быти – об этом знает весь мир. И что же? На наших глазах, в самом центре Москвы – хулители и распинатели вновь, как 2 тысячи лет назад, устроили судилище над Христом! Вся православная Москва была омрачена большими психологическими и нравственными страданиями» (Грубина Тамара Павловна);

«Враги знают, что уничтожив веру наших предков, они достигнут цели – уничтожение России, ибо только православная вера формирует высококонрастного человека, способного строить, а не разрушать. Так кто же эти люди?... То, что они не любят ни Россию, ни русских, это ясно, иначе они бы просто покинули ее. Хулиганы? Если бы так, то устроили кощунство у себя на кухне и повеселились бы. Все гораздо серьезнее, здесь хорошо продуманный и кем-то направляемый акт, но не учли только особенность загадочной русской души, милостливой и терпеливой, но способной в трудные для отечества моменты проявлять мужество и жертвенность. Мне, как человеку горячо любящему свое Отечество... больно и непонятно, как можно судить героев, алтарников Храма святого Николая на Пыжах» (Новикова Ирина Петровна).

За всеми этими текстами стоят совершенно потерянные личности, не способные приспособиться к жизни в современном мире и поэтому легко становящиеся добычей политтехнологов, выполняющих социальный заказ по канализации энергии недовольства. Судя по всему, большинство написавших письма в прокуратуру – пенсионеры. Прожившие большую часть жизни в мире определенных социальных гарантий и относительной предсказуемости, 15-20 лет назад они оказались перед лицом радикально изменившихся обстоятельств: огромного социального расслоения, безразличия властей к проблеме их выживания, нарастающей нищеты. И церковь естественным образом стала их прибежищем. Вот что пишет исследователь Русской православной церкви Нико-

лай Митрохин: «Большая часть этих женщин до 45-50 лет не проявляла никакой ревности в вере, многие из них просто не интересовались религией или даже были яростными атеистками. Однако возраст постепенно менял приоритеты»³. Согласно наблюдениям Митрохина, «за последнее десятилетие прежняя монополия «бабушек», которые во времена СССР составляли большинство верующих (более 75%), оказалась существенно нарушена. Среди воцерковленных они доминируют, но их доля снизилась примерно до 40%. Впрочем, женщин в церквях по-прежнему более 75% от числа прихожан за счет того, что в храм пришли более молодые возрастные группы»⁴.

Я на своем опыте убедилась в преобладании среди верующих пожилых женщин. Во время многочисленных заседаний суда по делу о выставке «Осторожно, религия!» множество таких старушек со стороны обвинения приходило обычно за час до открытия заседания. Они старались занять по возможности все места, так что нашим сторонникам часто негде было сесть. В большинстве своем это были плохо одетые женщины, некоторые выглядели совершенно больными. Хотя никакой агрессивности по отношению к ним никто не проявлял, они явно ощущали себя среди врагов: вероятно, в целях защиты держали перед собой многочисленные иконки, устраивали молебны на лестничных площадках и крестные ходы во дворе суда в перерывах между заседаниями. Они пребывали в полной уверенности, что окружены со всех сторон евреями-сатанистами, которыми они считали не только всех художников, но и их защитников и тех, кто им сочувствовал. Вот описание некоторых сцен в перерывах между заседаниями суда, которые я привожу в своих «Записках со скамьи подсудимых»⁵:

«Когда обвиняемые, адвокаты, художники во время перерыва стали спускаться с лестницы, мы услышали скандирование: “Позор! Позор!”. Раздались возгласы: “Убирайтесь на свою малую Родину!”, “Надо перевешать всех жидов!”, “Нужен новый Холокост!”».

Все происходящее, кроме недоумения и негодования, оставляет у меня впечатление какого-то неправдоподобного, запредельного комизма. Когда мы выходим из зала заседания в коридоры, пенсионеры бросаются к нам и начинают тыкать в нас крестами, крестить разнокалиберными иконами (от маленьких картонных до огромных деревянных), ожидая, вероятно, при этом почувствовать запах серы и увидеть, как мы, сопровождаемые языками пламени, с грохотом проваливаемся сквозь землю или рассыпаемся в прах. На последнем заседании под аккомпанемент злобного шипения: «жидовня, жидовня», – какой-то дед крестил нас фотографией царской семьи в деревянной рамочке. Когда же мой знакомый пытался успокоить одну особо гневную старушку, говоря ей, что не пристало христианке проявлять такую агрессивность, она, резко вытя-

нув перед ним руку с большим крестом, яростно воскликнула: «Встретимся в аду!».

Несчастные старые женщины, приезжавшие со всех концов Москвы, вероятно, потому, что им внушили, что это необходимо для их спасения, вели себя как носительницы явно магического, но отнюдь не христианского сознания. Например, можно было видеть, как некоторые из них крестили дверь суда, где шло заседание. Оказавшись в зале заседаний, они сидели, уткнувшись в свои молитвенники, периодически засыпая, когда речь заходила о непонятном им современном искусстве.

Вот что пишет о таких женщинах Митрохин: «Что группа “бабушек”, передающая сакральное знание вновь инкорпорируемым членам, считала “православием”, то и воспринималось окружающими в качестве такового, хотя порой весьма сильно расходилось с базовыми положениями учения Церкви... Радикальный пример несоответствия мы находим в записках вологодского священника о. Ярослава Шипова о приходской жизни». Это рассказ о том, как женщины сами крестили младенцев за неимением священника. Однажды, рассказывает о. Шипов, «Повели меня к одной знаменитости... Заходим в избушку: сидит за столом старуха в истрепанной епитрахили и что-то пишет. А епитрахиль – главное священническое облачение..., кроме священника надевать ее не полагается. ... Поздоровались. Бабка и объясняет: – Кошечка моя потерялась. Теперь вот, паря, лешему приходится письмо писать, чтобы возвратил кошечку. – На каком же, говорю, языке письмо ваше? – Ты что же, паря, не знаешь, как лешему письма пишут. А еще священник! Чему вас только учат. Справа налево! – И какой же, спрашиваю, адрес? – Да никакой: положи под крыльцо – и будет доставлено»⁶.

То, что пожилые женщины деревенского происхождения придерживаются подобных взглядов, не вызывает удивления. Более странно выглядит проявление невежества, нетерпимости и обскурантизма в среде образованных носительниц научных титулов и званий. Для многих культурных людей шоком стала экспертиза, написанная шестью учеными дамами по заказу следствия в связи с выставкой «Осторожно, религия!», многие недоумевали, кто эти женщины, с готовностью написавшие многостраничный текст, по которому людей должны были посадить на скамью подсудимых по уголовному делу?

Страна должна знать своих героев/героинь, поэтому я привожу начало экспертизы, где перечисляются звания и достижения экспертш. Экспертиза написана⁷:

Энеевой Натальей Тимуровной, имеющей высшее образование по специальности искусствоведение, ученую степень кандидата искусствоведения, специализирующейся в области современного искусства и русского авангарда, занимающей должность научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, стаж научной работы по специальности 17 лет;

Козловой Юлией Анатольевной, имеющей высшее образование по специальности искусствоведение, история искусства, ученую степень кандидата искусствоведения, занимающей должность старшего научного сотрудника отдела древнерусского искусства Государственной Третьяковской галереи, стаж научной работы по специальности 37 лет, стаж экспертной работы 12 лет;

Бекеновой Надеждой Геннадьевной, имеющей высшее образование по специальности искусствоведение, ученое звание старшего научного сотрудника Государственной Третьяковской галереи, занимающей должность начальника отдела древнерусского искусства Государственной Третьяковской галереи, стаж научной работы по специальности 39 лет, стаж экспертной работы 36 лет;

Цеханской Киной Владимировной, имеющей высшее образование по специальности история и этнография, ученую степень кандидата исторических наук, занимающей должность старшего научного сотрудника Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, стаж научной работы по специальности 30 лет;

Марковой Наталией Ефимовной, имеющей высшее образование по специальности социально-культурная деятельность, ученое звание старшего научного сотрудника Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, занимающей должность руководителя Центра коммуникативных исследований ИСЭПН РАН, стаж научной работы по специальности 5 лет;

Абраменковой Верой Васильевной, имеющей высшее филологическое и художественное образование, ученую степень доктора психологических наук, занимающей должность старшего научного сотрудника Психологического института Российской Академии образования, стаж научной работы по специальности 29 лет, стаж экспертной работы 5 лет.

Что двигало этими дамами, написавшими пространный, чрезвычайно пафосный и по видимости научно аргументированный донос не только на меня, Самодурова и Василовскую, но и на все современное искусство России, более того – на всю светскую современную культуру? Пафос неопиток? Недовольство своим реальным статусом и зарплатой (всем известно, как мизерно мало получают сотрудники академических институтов и музеев)? Желание поквитаться со своими более удачливыми коллегами?

Из шестерых мне удалось увидеть только Энееву, выступившую в суде в качестве свидетельницы. Привожу свои непосредственные впечатления от ее выступления из «Записок»: «Явно завидуя своим более успешным и талантливым коллегам... она обвинила искусствоведов в том, что они подталкивают художников к изготовлению экспонатов актуального искусства. А это обычно “грубо, грязно сделанные вещи”. Это фанера, пенопласт – заявила эта поборница Вечного. Было ясно, что она явилась на суд с исторической миссией: “Ос-

тановить процесс!”, – как патетически заявила Энеева (не суд, конечно, а пагубное направление в развитии искусства). Оказывается, последний раз она была на выставке современного искусства в 1993 году, и с тех пор – ни ногой, потому что, как выяснилось, ее там закапали (?) и у нее появились круги в глазах после того, как она заглянула в отверстие какого-то артобъекта. “А потом, – жаловалась специалистка, – появилась группа скотоложников, например Кулик”, а Деготь и Ерофеев (*известные московские искусствоведы и арткритики – А.А.*) общаются с актуальными художниками, “считают себя элитой!”»

Это было бы смешно, если бы не было так грустно. При том, что все шесть женщин показали себя поборницами строжайшей морали, всех превзошла госпожа Маркова. Оказывается, для нее «воздействие половых стимулов имеет необыкновенную притягательность». Наверное поэтому она утверждает, что если человек увидит картинку, где изображено совокупление с животным, он навсегда станет зоофилом. Эта дама (как и остальные пять экспертов) подвела «теоретическую базу» под свое неприятие современного искусства как такового – более того, всех западных ценностей – следующим образом:

«Начиная с 50-х годов XX века, система базовых ценностей западного общества, прежде основывавшаяся на христианстве, подверглась пересмотру. Сексуальная революция, разразившаяся прежде всего в искусстве и СМИ, поощряла внебрачные отношения, легитимизировала сексуальные отклонения, женский и мужской гомосексуализм. Изменение ценностных ориентиров было вынужденной государственной мерой. Западное общество нуждалось в сокращении населения... Таким образом, резкие ценностные изменения в западном обществе имели экономическую подоплеку – недостаток ресурсов и катастрофу перенаселенности. Возникла идеология без идеологии – постмодернизм (*post-modernism*), базирующийся на множественности идеологий, где все прежние ценности были подорваны и подвергнуты сомнению. Политика демографического сдерживания диктовала искусству темы, проводящие нелегитимное удовлетворение половых потребностей: свободная любовь, женский и мужской гомосексуализм, трансвестизм, промискуитет, зоофилия, некрофилия, фетишизм; наркотизация, преступления. Постмодерн в живописи, поэзии, музыке и литературе раскалывал, фрагментировал, расчленил реальность, уничтожал табу, переворачивал с ног на голову, демифологизировал мифы и разрушал сакральное. Бессмысленный и опасный хаос постмодернистского мира предлагалось преодолевать расширением подсознания, уходом в “другую” реальность при помощи наркотиков. Культурную основу идеологической и художественной направленности экспонатов выставки “Осторожно, религия!” определяет постмодернистская, контркультурная система ценностей, выполняющая деструктивные социальные функции»⁸.

Как видим, свободная любовь, женский и мужской гомосексуализм, фетишизм здесь идут в одном ряду, через запятую с наркотизацией и преступлением.

Немало беспрецедентного можно было обнаружить и в экспертизе Абраменковой, выступившей в качестве основательницы новой «науки», которую вслед за Михаилом Рыклиным можно было бы определить как «погромологию»⁹. В качестве психолога она подвела «научные» основания под погром, ссылаясь на глубокий шок, пережитый теми, кто его совершил. «Восприятие объектов, вызывающих фрустрацию индивида, – уверяет Абраменкова, – приводит к возбуждению центральной нервной системы, вызывает хаотическую активность, агрессивное “оборонительное” поведение. Для мужского поведения характерна в таких случаях реакция активного противодействия (что и можно было наблюдать 18 января 2003 г. в выставочном зале Сахаровского центра), для женского – в целом пассивные, депрессивные и виктимные реакции...»¹⁰.

Таким образом, мы видим, что в ситуации преследования, в ситуации гонений на Другого российские женщины не уступают мужчинам. Пожалуй, они даже превосходят последних своей активностью и пафосностью. Однако важно сознавать, что первенство в возбуждении этой бредовой активности принадлежит все-таки мужчинам. Именно мужчины, находящиеся в Думе, с огромным численным перевесом проголосовали за то, чтобы дело о выставке разбиралось в прокуратуре. Теперь стало очевидно, что дело о выставке «Осторожно, религия!» – плод усилий политтехнологов, заинтересованных в том, чтобы люди направляли свою энергию в нужное им русло. В данном случае выполнялся заказ власти, стремящейся к канализации недовольства и отвлечению людей от реальных социальных проблем. Политтехнологи – как правило, относительно молодые, образованные, циничные мужчины – за последние 10 лет сумели полностью оккупировать интеллектуальный рынок. В России в политтехнологии вкладываются немалые деньги, которые могли бы использоваться в более конструктивных целях – например, способствовать укреплению академических институтов, развитию в сфере образования, созданию специализированных научных журналов и т.п. Однако, увы! дело обстоит ровно наоборот. Не имея возможности заработать деньги преподаванием, академической карьерой или переводами, многие способные молодые люди уходят в область политтехнологий. Почему-то женщин среди них мало. Зато последние становятся, как это ни печально, легкой добычей подобных циников, предлагающих обществу в качестве панацеи, к примеру, концепцию «Новейшего средневековья» или обновленного домостроя. Ничего кроме гнета и безработицы реализация подобных проектов женщинам не сулит. Тем не менее, они часто с пафосом подхватывают идеологические и псевдопатриотические клише и активно пытаются внедрить их в сознание других людей. При этом они

стараятся «от души», как правило, искренне, ничего за это не имея, в то время как манипуляторы-мужчины продают подобные идеи за большие деньги в качестве товара. За социальной активностью множества манипулируемых женщин при этом часто сквозит неудовлетворенность своей жизнью, ощущение безнадежности и отчаяния. Последние обстоятельства, впрочем, не делают их менее агрессивными.

Славой Жижек в статье «Женская эксцессивность» пишет о «реакционной фигуре Матери-Нации или Матери-Земли, терпеливой, страдающей, которая символизирует сущность своего общества, отнюдь не отказываясь от женских атрибутов, воплощает наихудшую мужскую фантазию о благородной женщине»¹. Драма Материнства в конечном счете разыгрывается для мужчины и в его интересах. Как выйти из заколдованного круга, когда женщине в который раз навязывается деструктивная роль, а женская энергия апроприируется патриархатной властью – вот, с моей точки зрения, основной вопрос, который неизбежно встает перед феминистками и гендеристками, стремящимися трезво оценивать ситуацию в нынешней России.

Мне представляется, что в этой ситуации институции, связанные с гендерными исследованиями, по мере сил должны способствовать отстаиванию по крайней мере тех завоеваний в области демократии, свободы слова и просвещения, которых удалось добиться в России с конца 1980-х по 2000 год. Начало нового тысячелетия ознаменовалось для российского общества откатом к консервативным, архаическим, антизападным ценностям. Противостоять этому, вероятно, можно, однако делать это необходимо не столько оглядываясь на западный опыт, сколько исходя из местных условий. Важна поддержка различных академических исследований, касающихся реального состояния дел в нашем обществе.

Интеграции общества и снятию нарастающей агрессивности могли бы способствовать программы, направленные на работу с различными группами населения, в том числе и с малообеспеченными людьми, разъяснение им их реальных интересов, оказание бесплатной юридической помощи. «Мыслим глобально, действуем локально!» – основной лозунг подобной деятельности. Необходимо выявлять и поддерживать группы, которые пытаются изменить условия своего существования, опираясь на свои собственные силы – например объединения многодетных матерей, учителей, творческих женщин. Это способствовало бы социальной активности населения, налаживанию социальных связей и созданию гражданского общества, без которого говорить о развитии феминизма в нашем обществе не реально.

¹ Все фамилии, так же, как все приводимые цитаты, являются подлинными, выписанными мною из дела № 4616.

- ² Это определение взято из письма в прокуратуру Галкиной Н.В. и Шпаганель В.Х.
- ³ Николай Митрохин. «Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы», *Новое литературное обозрение*, 2004, с. 44.
- ⁴ Там же, с. 47.
- ⁵ Я привожу в данном случае отрывки из написанных мною во время суда «Записок со скамьи подсудимых». Сайт Сахаровского центра: http://www.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/religion_notabene/hroniki-alchuk.htm.
- ⁶ «Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы», с. 45-46.
- ⁷ Социально-культурная экспертиза (проведена экспертом Марковой Н.Е.): http://www.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/religion_notabene/hall_exhibitions_obvinienie3.htm.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Михаил Рыклин. «Новая наука», *Индекс на цензуру* (М., 2004).
- ¹⁰ Социально-психологическая экспертиза (проведена экспертом Абраменковой В.В.), там же.
- ¹¹ Славой Жижек. «Женская эксцессивность», *Гендерные исследования*, № 11, Харьковский центр гендерных исследований, 2004, с. 43-44.